

Вкус пепла

Ева Виксен
Осторожно! Супер горячо!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Виксен

Вкус Пепла

<https://litres.ru/74089844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Огонь пожирает всё.

Кристина Воронова знала это лучше других: её ресторан сгорел дотла в одну субботнюю ночь. Она должна была погибнуть в дыму, но он вынес её на руках. Женатый пожарный с глазами цвета кварца и чувством долга, которое не оставляет места для счастья.

Она хотела просто сказать «спасибо». Но есть огонь, который легко потушить, а есть тот, что вспыхивает между двумя людьми и с ним не справится никакой охлаждающий напор.

«Вкус пепла» - это история о запретной страсти, которая не признаёт правил. О голоде, который не утолить. И о выборе, который однажды приходится сделать каждой женщине: сгореть дотла в чужом пожаре или спасти себя саму.

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	4
Пролог	6
Глава 1: Температура горения.	8
Глава 2: Синдром выжившего	26
Глава 3: Точка невозврата	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ева Виксен

Вкус Пепла

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение содержит подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный ха-

ракти, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берете на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

Пролог

Из цикла «Одинокие и Голодные»

Мы все одиноки и голодны. Просто кто-то из нас признаётся в этом вслух. Кто-то отрицает. Кто-то строит карьеру, коллекционирует любовников, меняет города и страны - лишь бы заглушить этот голод. Но он не уходит. Он сидит глубоко, под рёбрами, и временами напоминает о себе ноющей болью. Голод по настоящему. По тому самому. По любви...

Этот цикл - не сборник сладких романов. Это рассказы пусть и вымышленных людей, которые однажды решили открыть душу. Представьте: тёплый вечер, ресторанный веранда, бокал вкусного и прохладного напитка в вашей руке, и напротив вас сидит человек, которому нужно выговориться. Он не просит у вас совета. Он не ждёт вашей оценки. Он просто рассказывает. А вы становитесь зрителем и слушателем чужой жизни. Будете ли вы судьёй? Защитником? Палачом? Только вам решать.

Некоторые герои этого цикла вызовут у вас симпатию. Некоторые - лишь осуждение. Иные разобьют вам сердце. Кто-то покажется знакомым до мурашек. В некоторых вы узнаете себя. А некоторые будут вашими полными противоположностями.

Сегодня своей историей с вами поделится Кристина Во-

ронова. Шеф-повар. Стерва с безупречным вкусом. Женщина, которая привыкла всё контролировать. Она не верила в любовь. Она смеялась над теми, кто «сохнет по мужикам». Но однажды случился пожар... и вместе с дымом в её жизнь вошёл тот, кого она не смогла забыть.

Её история о страсти, которая оказалась сильнее принципов. О голоде, который не утолить запретными встречами. О вкусе пепла, который остаётся после того, как догорает последняя искра.

А теперь, когда бокал налит и вечер обещает быть тёплым, Кристина начинает свой рассказ...

Глава 1: Температура горения.

Запах у меня всегда стоял на первом месте. Не зрение, не слух, а именно обоняние. Я могла с закрытыми глазами определить, что соус «демиглас» уварился ровно на ту самую консистенцию, когда желатин из телячьих костей начинает схватываться в бархат, а коньяк уже выпарился, оставив только дубовую терпкость и сладковатый дух карамелизованного лука. Я чувствовала, если повар на линии пережарил чеснок за секунду до того, как увидеть это. Мой нос был моим главным инструментом, моим камертоном, моим проклятием.

В тот вечер он же меня и подвёл. Никогда такого не было... А тут здарсьте - получи и распишись подставу!

Запах дыма в ресторанной кухне - это ж ведь не всегда катастрофа. Дым - это часть работы. Жирный, мясной чад от печи, лёгкая горчинка от опаленной горелкой кожи сига, сладковатый пар от фламбированного коньяка. Я различала сотни оттенков того, что должно гореть. Поэтому, когда в симфонию субботнего вечернего сервиса ворвался незванный инструмент... То есть сухой, колючий, химический запах тлеющей проводки, я не сразу смогла его опознать. Как так? Чой-то я тут хвалюсь своим носом, а сама палёную проводку не учуяла? Смешно, правда? Эх... Если бы.

Мы просто были в настоящей запаре. Суббота - это каб-

здец. Девяносто семь посадок в зале, полная бронь, продукты заканчиваются, а этот придурок Женька пересолил батч «голландеза». Я орала. Я всегда ору на сервисе. Это часть профессии. Шеф, который не орёт, либо сидит на жёстких транквилизаторах, либо ему плевать. Я не сидела на психиатрических пилюльках.

— Лена, третья подача на сорок второй, какого чёрта гарнир холодный? Грей блюдо, мать твою!

— Крис, у меня чек на бранч улетел, пятнадцать минут ожидания, они сейчас сожрут меня!

— Пусть жрут амикушу, пока горячее не готово. Женька, соус! Ты его в унитаз, что ли, слил?

Я успевала крутить голову на триста шестьдесят градусов, чувствуя, как туго затянутая на затылке бандана сдерживает волосы, убранные под неё до последней пряди. Нож в моей руке порхал над доской с кинзой, превращая зелень в изумрудную пыль, хотя чисто технически я уже три года как должна была только командовать. Но когда наплыв, шеф встаёт на линию. Это закон. Иначе команда не уважает. Да и вообще по-другому и быть не может. Я тут капитан и я должна пахать вместе с командой.

Запах гари стал гуще. Из электрощитовой, что находилась за холодильной камерой для рыбы, потянуло пластиковой вонью. Да такой, от которой першит в горле и хочется выпить воды. Я резко выпрямилась, отряхнула пальцы от зелени и нахмурилась.

— Костя! — гаркнула я своему су-шефу, здоровенному мужику с руками-лопатами, который в этот момент колдовал над карамелизацией гребешков. — Что у нас с вытяжкой? Чувствуешь?

Костя потянул носом воздух, как медведь, и пожал плечами.

— Да нормально всё. Это, наверное, у Фёдора сковорода перегрелась.

Я мотнула головой, отбросив сомнение. У меня вообще сейчас нет времени на паранойю. Я снова опустила взгляд в чек-лист на планшете, пробежалась глазами по колонкам заказов. Два «Веллингтона», один ризотто с белыми грибами, паста с трюфелем. Довольно простенько, но клиент просил без масла, аллергик. Дебил! Зачем тогда идти в ресторан с мишленовской звездой, где половина соусов строится на сливочном масле, спрашивается? Ну и четыре дегустационных сета. М-да... Приготовь ризотто с белыми грибами, но грибы убери. Трюфели убери. Масло убери. Господи! Даже без одного ингредиента исходное блюдо теряет свою ценность!

Я сунула в рот дольку лимона, чтобы сбить приторный привкус усталости, и именно в этот момент свет мигнул. И довольно резко, дёргано, будто кто-то играл выключателем. Лампы над раздаточной линией моргнули, и повара на секунду замерли с ножами и ложками в руках. Тишина, повисшая в этот краткий миг, встревожила каждого из нас, пото-

му что мы слышали, как в стене за холодильником что-то громко щёлкнуло, а потом раздался низкий, утробный гул.

— Пожар! — крикнул кто-то. Кажется, младший заготовщик, имени которого я даже не помнила, пацан лет девятнадцати с вечно испуганными глазами.

И тут наступил полный армогеддец. Из-под двери в технический коридор, ведущий к раздевалкам и электрощитовой, повалил густой, чёрный, маслянистый, дым, жутко воняющий жжёной резиной дым, который устремился к потолку, лизал стальные вытяжки и заполнял помещение с неумолимостью приливной волны.

— Выключайте печи! — заорала я, перекрывая шум. — Газ! Перекрыть газ!

Я не знаю, был ли то мой инстинкт шефа или просто человеческий страх, но я бросилась не к выходу, куда уже ломанулась часть персонала, роняя тарелки и опрокидывая ёмкости, а вглубь, к газовому щиту. Пробегая мимо раскалённых плит, я краем глаза видела, как в пламени конфорок пляшут язычки копоти, как дым обволакивает вытяжные зонты, превращая мою идеальную кухоньку в декорацию к фильму ужасов. Я добежала до главного вентиля, дёрнула рычаг вниз до упора, чувствуя, как вонзается в ладонь холодный металл.

— Кристина, уходим! — завопил Костя, хватая меня за локоть.

— Там люди в зале! — проорала я в ответ, выдираясь. — Открыть аварийные! Гостей веди через загрузку!

В ресторане уже орала пожарная сигнализация. Мерзкий, режущий слух вой ввинчивался в мозг. Дым стал таким плотным, что я перестала видеть дальше вытянутой руки. Глаза заслезились, в горле запершило, и я закашлялась, пригибаясь к полу в поисках более-менее чистого воздуха. В зале была паника. Визжали женщины, матерились мужчины, звенело бьющееся стекло - это кто-то в отчаянии пытался разбить панорамное окно стулом. Дым валил уже отовсюду, и я поняла, что очаг не в щитовой - огонь шёл по вентиляции, распространялся, как инфекция, мгновенно и безжалостно.

Я поползла вдоль стены, пытаюсь добраться до двери в зал, чтобы убедиться, что посетители выбрались. Но не дошла. Перед глазами всё поплыло. Кислород кончился, а вместе с ним кончилась и я. Мозг, привыкший к многозадачности, начал отключать одну функцию за другой. Сначала пропали звуки... крики стали ватными и далёкими - далёкими. Потом отключилось и изображение: мир забавно сжался в узкий туннель, в конце которого плясал оранжевый свет. Я рухнула на колени, а потом и вовсе на пол, рядом с опрокинутым стеллажом для тарелок. Щекой я чувствовала прохладную кафельную плитку. Это было приятно. Последнее, что я почувствовала перед тем, как провалиться в небытие, был вкус. Вкус пепла на губах. Сухой, горький, въедливый. Смесь сгоревшего дерева, пластмассы и моей собственной неудавшейся жизни. Я умирала. И в этом не было ни капли драмы или романтики какой-то, жизнь у меня перед глазами

вовсе не пронеслась... я испытывала только тошнотворный страх и бессильную злобу на дурацкую проводку.

А потом пришли они. Я не видела их, я была уже почти что трупом. Но я их почувствовала. Вибрация тяжёлых шагов по полу передалась через кости моего тела. Кто-то громко, очень громко, словно через мегафон, кричал в дыму:

— Есть кто живой? Отзовись!

Я попыталась отозваться. Из горла вырвался только сип, похожий на звук протыкаемой шины. Но этого хватило. Потому что через несколько секунд (или мне показалось, что секунд, в отключке время вязкое, как сироп) сквозь чёрную пелену проступил силуэт. Огромный, квадратный, нечеловеческий. В каске с забралом, в боёвке, обвешанный баллонами и инструментами. Фигура склонилась надо мной, и я почувствовала, как сильные, невероятно жёсткие даже сквозь плотную ткань перчаток пальцы сжимают моё плечо, переворачивая меня на спину.

— Женщина, не спать! Слышишь меня? Открыть глаза!

Голос был глухой, искажённый маской, но командная и не терпящая возражений интонация пробрала меня аж до самого нутра. Я ненавидела, когда мной командуют. Наверное, именно эта вспышка профессиональной стервозности и выдернула меня из объятий гипоксии. Я разлепила веки. Передо мной было пластиковое забрало, а за ним глаза... Единственное, что я могла разглядеть в этом чёртовом противогазе. Но этого хватило. Светлые, серые, с очень чёткой, тём-

ной каймой вокруг радужки. Спокойные и цепкие. Глаза человека, который зашел в горящее здание, чтобы спасти мою жизнь...

Я снова закашлялась, пытаюсь вдохнуть, и получила лишь новую порцию гари. Мой спаситель, не тратя больше ни секунды на разговоры, подsunул руки мне под спину и под колени. Я весила килограмм пятьдесят пять - уже лет так десять держала свою норму, не больше. Он поднял меня так легко, словно я была пушинкой. Я обвисла у него на руках, голова безвольно запрокинулась назад.

Он нёс меня сквозь дым. Я слышала треск пламени где-то совсем близко, чувствовала жар, который волнами накатывал слева, от барной стойки. Вокруг что-то рушилось, горели бутылки с крепким алкоголем, взрываясь цветными искрами. Пожарный с быстрого шага перешёл на бег с моей тушей на руках сквозь этот филиал преисподней, лавируя между перевёрнутой мебелью, а я цеплялась за его куртку и пыталась запомнить ощущение. Меня не носили на руках с детства. Меня вообще редко кто трогал без задней мысли: либо коллеги по работе, либо мужики, которым было нужно только одно. А сейчас меня несли, как что-то... ценное? Да так аккуратно...

Мы вывалились на улицу. Холодный ноябрьский воздух резанул по обожжённому горлу, словно осколок стекла. Пошёл дождь? Или это вода из пожарных рукавов? Я не понимала. Вокруг выли сирены, мигали красно-синие маячки, су-

етились люди в форме. Мой пожарный опустил меня на асфальт, довольно бесцеремонно, но бережно, прислонив спиной к колесу припаркованного у забора фургона. Сам присел рядом на корточки. Только сейчас я заметила, что он тяжело дышит. Не замечала этого там, в рёве огня, но здесь, на относительноном воздухе, услышала его сбитое дыхание.

Он стянул с лица маску, и я увидела его. Не такое это было личико, как я ожидала. Никакого квадратного подбородка, разбитых бровей и прочей плакатной героики. Обычное мужское лицо, чуть уставшее, с резкими морщинами, идущими от крыльев носа к уголкам губ. Нос с горбинкой, словно когда-то сломанный, но не в драке, а так может, в детстве упал неудачно. Щетина, темно-русая, с проседью, трехдневная. И эти глаза... Ммм! Без маски они оказались ещё светлее, прозрачные, как кварц, и совершенно невозмутимые. Ему было, наверное, лет сорок. Или тридцать пять, но очень побитых жизнью... Конечно! С такой-то профессией!

— Жить будешь, — констатировал он, и голос его без помех оказался низким, с хрипотцой. — Дыши глубже. Пальцы сожми-разожми. Покажи.

Я, как под гипнозом, сжала и разжала кулаки. Пальцы дрожали и не слушались, но двигались. Он кивнул каким-то своим мыслям, оглянулся на полыхающее здание ресторана, из окон которого рвалось пламя, и резко встал.

— Я сейчас фельдшера пришлю, — бросил он через плечо. — Сиди здесь.

Он развернулся и пошёл обратно в ад. Без колебаний, без пафосных фраз, просто натянул маску и скрылся в дверном проёме, из которого валил дым. А я осталась сидеть на мокром асфальте, привалившись к грязному колесу, и смотрела ему вслед. В ушах ещё звенело, грудь горела, но вкус пепла во рту сменился чем-то другим. Чем-то солёным... то ли кровью из прокушенной губы, то ли слезами, которые я, не замечая, пустила. Меня колотило. Крупно, ознобно, как истеричку какую-то, блин!

Ко мне подбежала заплаканная Лена, в грязном, прожжённом искрами фартуке.

— Кристина Александровна, вы целы! Господи, вы целы! Я думала, вы не вышли!

Я посмотрела на неё мутным взглядом.

— Сигареты есть?

— Что?

— Курить, говорю, есть?

Лена закивала и полезла в карман брюк. У нее всегда была при себе пачка тонких ментоловых сигарет «для УЗБОГОЕНИЯ неВРов». Я вытащила одну непослушными пальцами, сунула в рот. Лена поднесла зажигалку. Я затянулась. Дым табачный смешался с дымом пожара, осевшим в лёгких. Горло обожгло, но это была приятная, контролируемая боль. Дурацкая привычка. Всё время пытаюсь бросить, но это сильнее меня - честное слово! Но сейчас... Сейчас мне можно позволить такую слабость!

Ведь я смотрела на то, как горит дело моей жизни. Пять лет я строила этот ресторан. Выгрызала у инвесторов каждую копейку. Сама выбирала ножи в Японии. Лично утверждала каждый стул в зале. Моя кухня была моим храмом, моей зоной абсолютной власти. И теперь этот храм пылал, выбрасывая в ночное небо снопы искр, похожие на плевки дьявола. Я должна была рыдать, кричать, рвать на себе волосы. Но я просто курила, грязная, в пропахшей гарью робе, с подтёками туши на щеках, и думала не о деньгах, не о контрактах, не о страховых выплатах.

— Писец, мля... — Выдала я, пуская дым ноздрями.

Почему-то сейчас я думала о руках. О том, как жёстко и крепко пальцы в перчатках сжимали меня под коленями и под лопатками. О том, как вздымалась его грудь под формой, когда он нёс меня к выходу. О том, как он смотрел на меня сверху вниз спокойно и цепко, оценивая как я.

Я сунула руку в карман брюк. Телефон был на месте, и на удивление цел. Я открыла камеру, переключила на фронталку и уставилась на своё отражение. Чучело. Волосы, выбившиеся из хвоста, слиплись в сосульки. На лбу багровый след шапочки для волос, которая была под банданой. Губы чёрные от копоти. И только глаза горят как при лихорадке или как будто у напуганного зверя.

Я сделала затяжку и выдохнула дым в объектив. Потом перевела взгляд обратно на дверь, в которой скрылся пожарный. Я не знала его имени. Не знала, кто он. Он для меня был

просто «пожарный в каске». Функция. Но где-то под диафрагмой, там, где рождается интуиция, которую я привыкла слушать, завязался узелок предощущения. Это чувство я испытывала только тогда, когда пробовала идеальный соус. Когда все ингредиенты сошлись в единственно возможной пропорции, и ты понимаешь: вот оно. В яблочко.

Но какое, к чёрту, яблочко? Он просто делал свою работу.

Следующие два дня прошли как в бреду. Пожар потушили только к утру. По официальной версии его причиной послужило короткое замыкание в электропроводке старой части здания. Мой ресторан выгорел дотла. Зал в ноль, кухня частично уцелела, но всё равно под замену. Я сидела на допросах у дознавателей, тупо повторяя одно и то же: я не знаю, я не видела, у меня была субботняя посадка. Потом были звонки страховщикам, партнёрам, адвокату. Я разговаривала с ними железным, спокойным голосом, но стоило мне положить трубку, как на меня наваливалась такая пустота, что я просто ложилась на диван и смотрела в потолок.

Я жила в съёмной двушке в старом фонде, не потому, что не могла позволить себе лучше, а потому, что на «лучше» у меня не было времени. Вся моя жизнь была в ресторане. Квартира служила лишь местом для сна и переодевания. И теперь, когда ресторан исчез, стены давили на меня. Я чувствовала призрачный запах гари повсюду. Он впитался в волосы, в кожу, в одежду. Я трижды мыла голову, драила тело

мочалкой до красноты, но стоило мне лечь, как ноздри снова щипало от фантомного дыма.

На третий день я поехала на пепелище. Взять кое-какие документы из уцелевшего сейфа и просто посмотреть. Посмотреть в глаза своей катастрофе. Здание встретило меня закопченными провалами окон. Я прошла через пролом в стене, где раньше была дверь чёрного хода, и оказалась на том самом месте, где меня оставил он. У колеса фургона. Фургон, конечно, отогнали. Но на асфальте остались потеки воды и сажи.

Я долго стояла там, пиная носком ботинка камешки. Внутри что-то ныло, саднило, как незаживающая рана. Я думала о нём. Это было глупо, нелогично, дико. Я даже лица его толком не запомнила, а только глаза и хриплый голос. Но я думала о нём постоянно. Перебирала в памяти каждую секунду нашей короткой встречи, словно это был уникальный рецепт, который я боялась забыть. Зачем он мне сдался? Мне тридцать два. Я не девочка, чтобы влюбляться в спасателей. Я циничная стерва, которая меняет любовников как перчатки и считает бабочек в животе симптомом несварения.

И все же я его искала. Сначала оправдываясь перед собой тем, что хочу просто сказать «спасибо». Потом без оправданий.

Я позвонила Косте.

— Слушай, как та пожарная часть, что нас тушила? Номер не помнишь?

— Семнадцатая, кажется. А что?

— Да так. Хочу им благодарственное письмо отправить от лица заведения.

Костя хмыкнул. Он знал, что я никогда в жизни не писала благодарственных писем. Но промолчал.

Семнадцатая пожарная часть находилась на окраине нашего района. Я поехала туда на следующий же день, натянув самые простые джинсы, свитер и кожаную куртку. Никакой косметики, кроме туши. Зачем? Я просто хочу сказать спасибо. Простое человеческое спасибо. Я ж не на свидание. Никого обольщать не буду.

В части звездчки пахло машинным маслом и керасином. Дежурный, молодой парень с прыщавым лицом, оторвался от компьютера и уставился на меня с любопытством. Девушки, наверное, к ним заходили нечасто. По крайней мере, девушки, от которых пахнет дорогим парфюмом.

— Я ищу пожарного. Высокий такой, глаза светлые, серые. Волосы тёмные с проседью. Он меня из «Пламени» вынес в субботу ночью.

Парень завис, переваривая информацию.

— «Пламя» — это который ресторан на Садовой? Так там весь караул работал. Высокий, говорите Так это, наверное, Игорь. Игорь Алексеевич Ветров. Старший смены. Он сегодня в наряде. Вам позвать?

У меня екнуло сердце. Нелепо, по-девчачьи.

— Да, будьте добры. Скажите, что Кристина из «Пламе-

ни» хочет его поблагодарить.

Парень кивнул и скрылся в железной двери, ведущей в гараж. Я осталась ждать в пустом коридоре, разглядывая стенд с фотографиями и кубками за соревнования по пожарно-прикладному спорту. Время шло медленно. Я нервничала, теребила молнию на куртке, ругала себя последними словами. Зачем я здесь? Что я ему скажу? «Привет, я та самая чумная баба из огня, которая теперь не может выкинуть вас из головы»? Бред. Я уже открыла рот, чтобы сказать дежурному «не надо, я передумала», как железная дверь с грохотом отъехала в сторону.

Он вышел. Без боевки, без каски, без прежней напускной суровости. В простой тёмно-синей футболке с логотипом МЧС и свободных штанах. Я чуть не поперхнулась воздухом. Без снаряжения он оказался ещё мужественнее... Широкие плечи, сильные, жилистые руки, покрытые светлыми волосками. На предплечье, левом, темнела татуировка - то ли дракон, то ли какая-то вязь, не разглядеть пока что. Он вытирал руки промасленной ветошью и, увидев меня, остановился. Узнал. Точно узнал. Его брови чуть приподнялись вверх, и на секунду на этом суровом, уставшем лице промелькнуло что-то очень человеческое. Удивление?

— Я ж сказал - жить будете.. — прохрипел он, и я невольно усмехнулась, уголками губ, нервно и кривовато.

— Как видите, вашими молитвами. Я зашла сказать спасибо. За то... что спасли меня...

Он кивнул, всё так же не сводя с меня глаз. Взгляд у него был тяжёлый, не просто было вынести. Не наглый, не раздевающий, а именно тяжёлый. Мне показалось, что он посмотрел на меня не как на просто спасённую им девушку, а как на сложную задачу, которую надо решить. Или как на проблему. Ну, не самый ласковый взгляд - если по-простому объяснить.

— Работа такая, — коротко ответил он, перебрасывая ве-
тошь из одной руки в другую. — Вы как себя чувствуете?
Отравления продуктами горения - дрянь серьезная.

— Нормально. Я живучая.

Повисла пауза. Я поняла, что он не будет поддерживать светскую беседу. Он просто стоял и ждал, когда я скажу то, зачем пришла. И тогда я, плюнув на все свои циничные принципы, решила играть по-крупному.

— Игорь Алексеевич, — начала я, и голос почему-то подпрыгнул. Я достала из сумки заранее приготовленную бутылку дорогого виски, восемнадцатилетнего «Макаллана» - просто чудом уцелевшую в моем домашнем баре после прошлого кутежа с подругой. — Я не знаю, как у вас принято, и, возможно, это нарушает какой-то ваш кодекс чести. Но мне было бы очень приятно, если бы вы это приняли. В знак моей благодарности.

Я протянула бутылку. Он перевёл взгляд на неё, потом снова на меня. В его глазах я прочитала борьбу. На мгновение мне показалось, что он пошлёт меня куда подальше вме-

сте с моим пойлом. Что он скажет «у нас взятки не берут» или что-то такое же официальное. Но вместо этого он вдруг усмехнулся и потянулся к бутылке. И тогда я увидела его руку. Пальцы длинные, с чистыми, но грубыми, мужскими ногтями. И на безымянном вперилось обручальное кольцо. Тонкий ободок из рыжего металла, впившийся в кожу так плотно, будто его никогда не снимали.

Внутри у меня что-то оборвалось и рухнуло вниз, прямо в желудок, холодной, тяжёлой льдиной. Женат. Ну конечно. Такой сильный, спокойный, надёжный мужик не мог быть свободным... Таких разбирают ещё в щенячестве и держат мёртвой хваткой до самой смерти... Я смотрела на эту полоску металла и чувствовала, как внутри закипает иррациональное разочарование, смешанное с досадой на саму себя. На что я рассчитывала? И почему же я расстраиваюсь?!

Он взял бутылку, и я заставила себя поднять взгляд от руки к его лицу. И замерла. Потому что он смотрел на меня совершенно иначе, чем минуту назад. Не как на случайную посетительницу, не как на спасённую «пострадавшую». Он смотрел на меня как мужчина, который вдруг увидел перед собой женщину. Оценивающе. Пристально. С тем греющим, невыносимо долгим интересом, от которого у меня пересохло во рту.

— Ну, виски я люблю, — сказал он негромко, и голос его прозвучал ниже, чем раньше, с лёгкой хрипотцой, от которой у меня мурашки побежали по позвоночнику. — Только

давайте без отчества. Игорь. Просто Игорь.

— Кристина, — ответила я, и голос отчего-то подпрыгнул.

Он улыбнулся и в его светлых глазах промелькнуло что-то опасное. Что-то, от чего моё сердце пропустило удар, а низ живота налился тяжёлым, сладким теплом. И я поняла. Он всё знает. Знает, зачем я пришла. Знает, что я увидела кольцо. Знает, что ничем хорошим это не кончится. Но ему, как и мне, уже плевать... Кажется, между нами зародилась воронка торнадо...

Я ушла из части на ватных ногах. В груди у меня всё пело и плясало вперемешку с отчаянием. Я чувствовала себя старшеклассницей, которая передала записку объекту воздыханий и теперь не знает, прочитают ли, ответят ли. Какая глупость! Я, Кристина Воронова, укладывавшая в постель ресторанных критиков и владельцев виноделен одним движением брови, вела себя как девчонка. Но факт оставался фактом: он взял виски. Он смотрел на меня так, что земля уходила из-под ног... И он был женат...

Переварив все за и против, я решила выкинуть его из головы. Но когда вечером пришло сообщение, совершенное простое, без эмодзи, без подписи: «Спасибо за виски. Отличный выбор. Если захочешь выпить вместе, я не против», — я перечитала его раз десять... А потом ещё двадцать... А затем набрала ответ.

Мои пальцы, державшие телефон, чуть подрагивали. Я сделала глубокий вдох, потом выдох. Потом втопила бокаль-

чик белого вина для храбрости. И набрала ответ. Короткий и наглый, в моём стиле, полностью отрицающий очевидные риски.

«Место и время, пожарный. Только без обручального кольца... Оно тебе не идёт».

Я нажала «отправить», и где-то в глубине души поняла, что только что подписала себе приговор. Но вкус пепла, стоявший во рту со дня пожара, на секунду сменился предвкушением чего-то огненно-острого и дразнительно запретного.

Глава 2: Синдром выжившего

Отправленное сообщение повисло в цифровой пустоте. Я швырнула телефон на диванную подушку, словно он обжёг мне пальцы, и уставилась на него, как на гранату с выдернутой чекой. Тишина. Экран погас. Он не прочитал... Или прочитал и не ответил. Бахнула ещё бокальчик винишка.

А чего я, собственно, ждала? Что он сорвётся среди ночи, бросив жену в тёплой постели, и примчится ко мне с пожарной сиреной? Я усмехнулась собственной глупости, раздражённо стянула свитер через голову и отправилась в ванную.

Квартира тонула в тишине, нарушаемой лишь гулом старых труб и редкими всхлипами лифта за стеной. Я включила воду и стянула с себя остатки одежды. Зеркало над раковиной стремительно запотевало, скрадывая моё отражение, и я была благодарна ему за это. Мне не хотелось видеть себя. Не хотелось смотреть в глаза женщине, которая только что, по сути, пригласила на свидание женатого мужика, спасшего её из огня. Это было низко. Это было глупо. Это было абсолютно, непростительно в моём стиле.

Я шагнула под горячие струи, и вода обрушилась на плечи, на спину, на затёкшую шею. Я застонала от облегчения. Последние дни я жила с ощущением, что кожа на мне чужая, стянутая, покрытая микроскопической коркой гари, которую не смыть никакими мочалками. Только сейчас, под по-

что обжигаяющим душем, я начала чувствовать, как расслабляются мышцы, как отпускает спазм в пояснице, как тепло проникает глубже, под кожу, к самым костям.

Я упёрлась ладонями в прохладную плитку стены и опустила голову, позволяя воде стекать по волосам, по позвоночнику, по ягодицам. Закрыла глаза. И перед внутренним взором, словно проявленная в проявителе фотография, возник он. Игорь. Не размытый образ из дыма, не фигура в каске, а реальный мужчина из коридора пожарной части. Синяя футболка, туго обтягивающая грудные мышцы и плечи. Ммм! Жилистые предплечья с татуировкой. Пальцы, сжимающие промасленную ветошь.

Я шумно выдохнула, и звук этот эхом отразился от кафельных стен. Тело отреагировало быстрее, чем разум успел включить цензуру. Где-то глубоко внизу живота, в том самом месте, которое я привыкла игнорировать работой и стрессом, зародилось знакомое, тянущее тепло. Пока ещё просто тепло, как угли под слоем пепла. Но стоило только подуть... и вспыхнет настоящее пламя.

Я не стала тушить. Напротив, я позволила себе его развести.

Моя правая ладонь скользнула вверх по мокрому животу, очертила пупок, рёбра, поднялась выше и остановилась на груди. Я сжала её требовательно, как мне нравилось. Пальцы обхватили левую грудь, приподняли, ощутили вес и мягкость. Сосок под подушечками указательного и средне-

го пальцев мгновенно затвердел, сморщился, стал похож на крупную ягоду. Я провела по нему ногтем, чуть царапая, и представила, что это делает он. Что его грубые, шершавые пальцы пожарного, привыкшие держать топор и рукав, сейчас сжимают меня. Что его большой палец обводит вокруг ареолы медленно, дразняще, а потом накрывает бусинку целиком и выкручивает аккуратно, но властно.

Мои бёдра непроизвольно качнулись вперёд. Я сильнее упёрлась лбом в прохладную плитку. Дыхание сбилось. Я раздвинула ноги, и струи воды забарабанили по внутренней стороне бёдер, щекотно и остро. Вторая рука, тоже подключилась. Она заскользила вниз, по животу, по ухоженно выбритой дорожке волос, и легла на лобок. Я не стала спешить. Вместо этого я позволила себе яркую, детальную, почти тактильную фантазию.

Я представила, что он стоит позади меня. Что его широкая и твёрдая грудь прижимается к моей спине. Что его достоинство, пусть ещё не вошедшее, но уже каменно-твёрдое, упирается мне в ягодицы. Его руки обхватывают меня спереди, одна владеет грудью, вторая тем, что ниже. Губы касаются моего уха, и его хрипловатый голос шепчет: «Я спас тебя... Отблагодари же своего спасителя, откройся мне. Полностью». Я представила, как его зубы прикусывают мочку, как горячий язык проходит по шее, оставляя влажную дорожку, которую тут же обдувает его дыхание. Я представила, как он разворачивает меня лицом к себе и наклоняет голову,

чтобы взять губами сосок. Жадно, сильно, втягивая его в рот и чуть прикусывая.

Мои пальцы сжали бугорок в моём лоне и я всхлипнула. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, но моё тело не знало разницы. Оно реагировало на фантазию как на реальность. Мои нижние губы набухли, стали горячими и влажными не только от воды. Я раздвинула их средним пальцем, и подушечка скользнула внутрь, в горячую, плотную глубину. Мышцы сжались вокруг пальца, приветствуя вторжение. Я начала двигать им медленно, вращательно, представляя, что это его палец. Что он входит в меня так же спокойно и целенаправленно, как заходил в горящее здание. Без суеты, без страха, с абсолютной уверенностью в своём праве здесь находиться.

Я добавила второй палец. Растяжение было приятным, но почти на грани боли. Внутренние стенки запульсировали, сжимаясь и разжимаясь. Я нащупала точку, ту самую, шероховатую и чувствительную, и нажала сильнее. Одновременно большой палец лёг на бугорок и начал выписывать по нему круги. Я больше не стояла под душем в своей съёмной квартире. Я была там, в огне, в дыму, в его руках. Он держал меня на весу, прижав спиной к обугленной стене, и имел пальцами грубо и глубоко, без всяких прелюдий, потому что на прелюдии не было времени, потому что мы оба могли умереть в любую секунду, и это знание делало всё невыносимо острым.

— Давай, — шептала я сквозь стиснутые зубы, и вода заливала мне рот. — Давай, трахни меня. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Я больше не щипала, я выкручивала собственный сосок с такой силой, что на коже остались белые следы. Граница между мной и воображаемым Игорем стёрлась окончательно. Я чувствовала его запах мужского пота, мускуса и чего-то неуловимо металлического, как от мокрого оружия. Я чувствовала его вкус, соль и терпкость, когда представляла, как провожу языком по его груди, как обвожу вокруг его сосков, как он резко выдыхает и сжимает мои волосы в кулак, направляя голову ниже.

Мои пальцы внутри себя ускорили темп. Я насаживалась на них бёдрами, как последняя одержимая. Стенки лона начали сокращаться, ритмично и мощно. Тепло внизу живота сгустилось, превратилось в плотный, невыносимый шар жара. Бугорок под большим пальцем стал невероятно чувствительным, каждое прикосновение отдавалось электрическим разрядом в позвоночник. Я чувствовала приближение... немедленного, как поезд в туннеле, как крик, который невозможно удержать.

В своей фантазии я видела его лицо, искажённое страстью. Жилка на виске, прикушенная губа, ноздри, раздувающиеся от частого дыхания. Он смотрел на меня сверху вниз, насаживая на своё хозяйство, которого я ещё не видела, но уже чувствовала его размер, его твёрдость, то, как он запол-

няет меня до предела, до сладкой рези в мышцах. Он входил на всю длину, жёстко, безжалостно, и его тазовые кости ударились о мои, а мои ноги, обхватившие его за поясницу, дрожали от напряжения.

— Смотри на меня, — приказывал он голосом, в котором не было нежности. — Смотри на меня, когда кончаешь.

И я смотрела. В его серые глаза. И кончала.

Разрядка накрыла меня с сокрушительной силой. Не плавной волной, а резким, грубым спазмом, который скрутил все внутренности в тугую жгут, а потом отпустил. Я закричала в голос, не заботясь о соседях, и мой крик заметался по ванной, смешиваясь с шумом воды. Пальцы внутри меня залило горячей, скользкой влагой. Мышцы сокращались снова и снова, выжимая каждую каплю удовольствия. Я давила на точку G до тех пор, пока перед глазами не поплыли белые пятна, а колени не подкосились. Потом я медленно вытащила пальцы, всё ещё пульсирующие, всё ещё влажные, и упёрлась обеими ладонями в стену, тяжело дыша.

Вода всё лилась, смывая следы моего безумия. Я стояла под душем и медленно возвращалась в реальность. В пустую квартиру. В одиночество. В ожидание сообщения, которое, возможно, никогда не придёт.

Я выключила воду. В ванной повисла оглушительная тишина. С моего мокрого тела капало на пол. Я потянулась за полотенцем и вдруг, совершенно неожиданно, поймала своё отражение в начавшем остывать зеркале. Вид был дикий. Во-

лосы облепили плечи мокрыми змеями. Глаза блестели лихорадочным, безумным блеском. На левой груди, там, где я безжалостно выкручивала бусинку, расплывался красный след. Я выглядела как женщина, которую только что грубо и хорошо отимели. Только вот удовлетворяла меня я сама, а мужик, ради которого всё это затевалось, даже не знал о моём существовании. Вернее, знал, но вряд ли думал обо мне в этом ключе.

Я завернулась в полотенце и вышла в комнату. Телефон лежал на диване всё там же, экраном вниз. Я взяла его в руки, чувствуя, как внутри снова суетит червячок тревоги. Перевернула. На экране горело уведомление. Одно новое сообщение от абонента «Игорь ПЧ-17». Я открыла.

«Место: бар «Гудок» на Октябрьской. Время: завтра, 21:00. Кольцо сниму. Но ты ещё пожалеешь о своём приглашении».

Я перечитала это трижды. Потом швырнула телефон обратно на диван и расхохоталась в голос. Он ответил. Он согласился. И, судя по формулировке «ты ещё пожалеешь», он тоже не был настроен на романтические прогулки под луной. На хрен луну. На хрен романтику.

Я вытащила из холодильника початую бутылку вина, сделала большой глоток прямо из горлышка и уставилась в тёмное окно, за которым мигали огни мегаполиса. Мой ресторан лежал в руинах. Моя карьера висела на волоске. А я стояла босиком на холодном полу, в одном полотенце, и чувство-

вала только одно: эйфорию. Опасную, наркотическую эйфорию предвкушения. Завтра я увижу его снова. Без каски, без формы, без свидетелей. И будь что будет.

Глава 3: Точка невозврата

Бар «Гудок» ютился в цокольном этаже старого кирпичного дома на Октябрьской. Никакой вывески, кроме ржавого рельса, прибитого над входом вместо козырька. Контингент тут конечно... Сплошные суровые и уставшие мужики после смены и редкие парочки, которые не хотели, чтобы их видели вместе. Идеальное место для встречи, о которой не должен знать никто.

Я пришла на пятнадцать минут раньше. Это была моя профессиональная привычка - являться первой, контролировать пространство, выбирать точку обзора. Сегодня я не командовала кухней, но контроль мне был нужен как воздух. Я заняла угловой столик, спиной к стене, лицом ко входу, и заказала двойной эспрессо, хотя желудок просил виски. Пить я не собиралась. Я собиралась быть трезвой, собранной и опасной.

На мне было чёрное платье-футляр, достаточно узкое, чтобы обрисовать талию и бёдра, но без выреза до пупа, я же не на панели. Сапоги на шпильке, в которых мои и без того длинные ноги казались бесконечными. Волосы я высушила и уложила крупными волнами, и теперь они тяжёлой, блестящей гривой лежали на плечах. Макияж агрессивный как и мои намерения: smoky eyes, от которого мои карие глаза казались двумя бездонными провалами, и красная помада.

Сегодня я шла на войну. На войну с собственными инстинктами и со здравым смыслом.

Ровно в девять скрипнула входная дверь. Я подняла взгляд от пустой кофейной чашки.

Он вошёл, и пространство бара словно сжалось вокруг него. Он был каким-то гигантом... рост выше среднего, может, метр восемьдесят пять или чуть побольше. И была в нём какая-то физическая плотность, концентрация силы, которая заставляла воздух дрожать. Сегодня на нём не было казённой футболки МЧС. Вместо неё простая чёрная водолазка, обтягивающая грудь и плечи так, что каждая мышца проступала под тонким трикотажем. Сверху тёмно-серая куртка-бомбер. Джинсы, тёмно-синие, свободные, но сидящие на бёдрах именно так, как надо. Тяжёлые ботинки на шнуровке.

Но главное - это было его лицо. Теперь, при тусклом свете барных ламп, я могла рассмотреть его без помех. И рассматривала жадно, бесстыдно, воруя каждую деталь. У него были резкие, словно вырезанные из дерева грубым ножом, скулы, которые делали лицо жёстким и суровым. Нос с горбинкой, которую я уже заметила раньше, но теперь я видела, что горбинка эта совсем небольшая, и она придавала его профилю хищное, орлиное выражение. Губы неожиданно чувственные для такого грубого лица, с чётко очерченной «галочкой» верхней губы. Но самыми страшными были глаза. Они смотрели из-под прямых, чуть нахмуренных бровей с интенсивностью лазерного прицела. Он просканировал по-

мещение. И когда его взгляд наткнулся на меня, я физически ощутила толчок.

Он подошёл к столику. Не снял куртку, просто сел напротив, положив руки на стол. Руки... да, руки я тоже рассмотрела. Крупные, с длинными пальцами и широкими запястьями. Кольцо на безымянном исчезло, оставив после себя бледную полоску незагорелой кожи. Я уставилась на эту полоску, и он перехватил мой взгляд. Ничего не сказал, только уголок его губ дёрнулся в намёке на усмешку.

— Ты пунктуален, — нарушила я тишину первой.

— Я пожарный. У нас минута промедления стоит чьей-то жизни. Привычка.

Голос его вблизи, без помех рации и шума улицы, оказался именно таким, каким я его запомнила - низким, с хрипотцой, как будто он только что проснулся или, наоборот, не спал трое суток.

— Что будешь пить? — спросила я.

— Виски. Тот, что ты подарила, был отличный, но я его дома оставил. Так что давай что-нибудь попроще. Джемесон.

Я подозвала официантку, заказала ему виски, себе ещё кофе. Он удивлённо приподнял бровь.

— Не пьёшь?

— Не сегодня. Хочу запомнить всё в деталях.

Он откинулся на спинку дивана. Водолазка натянулась на груди, обрисовав рельеф мышц. Я на мгновение представила, как провожу по этой груди языком, и внутри всё сжалось.

Вчерашняя фантазия под душем была лишь бледной тенью реальности, которая сидела сейчас в метре от меня.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он, когда перед ним поставили стакан с янтарной жидкостью.

— Что именно?

— Это. — Он обвёл рукой пространство между нами. — Пригласила, накрасилась, смотришь так, будто съесть хочешь. Зачем тебе это? Ты красивая баба, у тебя свой ресторан, судя по тому, что писали в новостях, довольно успешный. У тебя вся жизнь впереди. А я - мужик слегка за сорок, женатый, с двумя детьми и опасной работой. Что ты забыла в этом дерьме?

Я помолчала, вертя в пальцах кофейную ложечку. Потом подняла на него глаза и ответила честно... впервые за долгое время без сарказма и позёрства:

— Я не знаю. Если бы знала, возможно, не сидела бы здесь. Но с того пожара я не могу выкинуть тебя из головы. Я пробовала. Не выходит.

Он смотрел на меня долго, очень долго. Потом взял стакан, сделал большой глоток, поморщился от каких-то своих мыслей и сказал:

— Я тоже.

Мы проговорили около часа. Сначала натянуто, прощупывая почву. Потом всё более открыто. Я узнала, что он в пожарной охране уже восемнадцать лет, с армии. Что у него двое сыновей-подростков, и что с женой они живут «как со-

седи по коммуналке». Что он курит, хотя нельзя, и иногда пьёт в одиночестве, глядя в стену. Я рассказала ему о ресторане, о том, как строила его с нуля, о том, как орала на поваров и плакала в морозилке, когда никто не видел. О том, что не была в отношениях дольше полугода, потому что не выношу, когда мной владеют. О том, что эгоистка, стерва и вообще сложный человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.